

— Откуда у тебя... эта книга?

— У одного старика-торговца отобрал.

— И старик носил такое с собой? — Чжаочжао был в замешательстве.

— А что, старикам сказки не положены? — Шалалигэ потянулся за книгой. — Дай сюда.

Видно было, что малец ещё не дошёл до самых «горячих» страниц и не понимал, что именно он разглядывает. Чжаочжао решил во что бы то ни стало избавить его от этой пакости и, придумав повод, уговорил Шалалигэ одолжить ему книгу.

Линь Чжаочжао отложил альбом на ложе и заметил, что Шалалигэ замялся, явно желая что-то сказать.

— Что такое?

— Галиба, — наконец выдавил юноша.

— Кто это?

— Я слышал, как он о тебе сегодня гадости говорил. В общем, будь с ним осторожней.

Шалалигэ сам себя обругал за то, что пришёл предупреждать «чужую женщину», и быстро ушёл.

«Что за странное имя?» — подумал Чжаочжао.

— Госпожа, отдохни немного, — в шатёр вошла Агусу. — Я видела, как Шалалигэ уходил. Опять тебе докучал?

— Нет. Агусу, кто такой Галиба?

— Это сын нашего Великого шамана, госпожа.

Чжаочжао нахмурился. Сюэди верили в Сава (шаманизм). Сам он, будучи человеком книжным, всегда с недоверием относился к подобным вещам, считая это суеверием. Но он знал, что шаманы в степи порой обладают властью не меньшей, чем вожди.

После отдыха Чжаочжао отправился на дневной урок, но обнаружил, что слушателей стало вдвое меньше.

— Где все? — удивился он.

— Шаман проводит обряд под открытым небом, многие ушли просить защиты у Вечного Синего Неба, — ответили ему.

Линь Чжаочжао не мог спорить с верой, поэтому просто продолжил урок для оставшихся.

— Раз нас сегодня немного, поговорим о земледелии...

— Зачем нам это? — лениво бросил рослый парень, стоявший у края. — Это удел людей Ся. У нас есть скот и степь, зачем нам копать в земле?

Чжаочжао спокойно ответил:

— Скот растёт годами, а урожай созревает за сезон. Зерно можно хранить долго, оно поможет пережить бескормицу и зимние бури.

— Наглость! — парень выпрямился, в его глазах вспыхнул гнев. — Ты проклинаешь Сюэди? Смеешь пророчить нам беды?

— Я вовсе не проклинаяю, — Чжаочжао понял, что перед ним тот самый Галиба, и тот пришёл намеренно сорвать урок.

— Все слышали! Вечное Небо хранит нас, — Галиба указал пальцем на Чжаочжао. — А ты, не успев приехать, уже сулишь нам голод и смерть!

— «Тот, кто не думает о далёком, встретит беду у порога». Погода изменчива, и глупо ждать удара, не имея защиты! — твёрдо ответил Линь Чжаочжао.

Но Галиба не желал слушать доводов. Он мастерски переиначивал каждое слово, стараясь выставить Чжаочжао врагом племени.

— Вздор! Мой отец слышит волю Неба. Ты не только проклинаешь наш народ, но и смеешь сомневаться в силе шамана?

— Ты ищешь вину там, где её нет!

Чжаочжао задыхался от гнева и бессилия. Как объяснить что-то человеку, который слышит только себя?

— Галиба, замолчи! — Агусу вышла вперёд.

— Прочь, ты всего лишь рабыня! — рявкнул тот. — Не смей со мной так говорить, не то велю продать тебя в другое племя!

Сюйлегезр вернулся с охоты рано, везя двух подстреленных антилоп. Он торопился увидеть Лочу. Въехав в лагерь, он заметил ритуальные знамёна, развевающиеся на ветру.

— Что сегодня за день? Зачем шаман открыл знамёна? — спросил он у охраны.

— Не знаем, вождь. Вроде обычный день.

«Лочу, верно, расстроится, если к нему никто не придёт», — подумал Сюйлегезр и, даже не переодевшись, поспешил к месту занятий. Там он и услышал издевательский голос Галибы:

— Ты — всего лишь подарок, присланный нам из Ся. Не мни себя госпожой!

Линь Чжаочжао сжал свиток в руках, стараясь не сорваться. Он понимал: если сейчас промолчит, его авторитет в племени будет уничтожен. Но и спорить с сыном шамана было опасно для Сюйлегезэра.

Вдруг раздался свист маневренной плети, похожий на удар грома. Затем — истошный вопль.

Сюйлегезэр стоял рядом, сжимая в руке тяжёлую нагайку. У его ног, в пыли, корчился Галиба, прижимая руки к лицу, из-под которых хлестала кровь. Толпа в ужасе замерла.

— Вспомнил о своём лице? — голос вождя был ледяным. — А когда оскорблял мою супругу, о моей чести ты не думал. Взять его и вздёрнуть на столбе.

Воины Сюэди, не колеблясь, схватили Галибу и потащили к дереву.

— Вождь, за что! Я не виноват! — кричал тот, задыхаясь от боли.

— За то, что не знаешь меры в своей наглости. Десять плетей ему.

Под градом ударов мольбы Галибы сменились диким воем. Кто-то из перепуганных зрителей бросился за шаманом.

Великий шаман прибежал, когда его сын уже превратился в кровавое месиво.

— Сюйлегезэр! За что ты так с моим сыном! — старик обнял избитого Галибу, обливаясь слезами.

— За что? — Вождь бросил окровавленную плеть к его ногам. — Твой сын ударил меня по лицу.

— Да как он мог! — шаман замер. — У него бы духу не хватило на такую глупость!

— Оскорбить мою женщину — всё равно что ударить меня. Или ты считаешь, что я наказал его слишком легко? — Сюйлегезэр положил руку на эфес сабли.

Шаман, увидев его яростный взгляд, осёкся и замолчал.

Вождь повернулся к притихшим людям и с силой ударил ножом по столу.

— Пока Лочу моя жена — он ваша госпожа. Кто посмеет перечить ему — умрёт на месте!